

АМИР САБИРОВ

неороман

КОСНИЦА. ЭЛЕГИЯ

РЕДАКЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос = Рус)6
С12

Серия «НЕОРОМАН»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Сабиров, Амир

С12 Косница: элегия / Амир Сабиров. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 192 с. — (Неороман).

ISBN 978-5-17-188691-2

Повесть «Косница» — прозаический дебют поэта-фронтовика Амира Сабирова. Стилистически изощрённый, сотканный из портретов и настроений, текст работает на разных уровнях — от глубокой психологической прорисовки образа молодого человека, познающего механизмы и метафизику войны, до фиксации пограничных состояний между жизнью и смертью. Состояний, которым подвержен не отдельный человек, но сам мир в нынешнее предкатастрофное время.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос = Рус)6

© Амир Сабиров, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026
ISBN 978-5-17-188691-2

— Что вы, Марья Дмитриевна? — спросил Бутлер.

— Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право, — сказала она, вставая.

— То же со всеми может быть, — сказал Бутлер, не зная, что говорить. — На то война.

Л. Толстой «Хаджи-Мурат»

ЦЕВА АДОМ*

Песок сыпется, опадает в глаза — режет белок, при вдохе спускается по носу.

Косница вытер пыль из-под глазниц, сорвал висящую рядом на гвозде броню, с тем нервным треском швов, который никогда не услышишь, а только увидишь — внезапно — после, но оставил её подле себя. Пыльный осадок болтался в воздухе, когда Белуга включил фонарь.

«Нас завалило, походу», — подумал Косница с тем желвачным волнением, не хотел выныривать из тёплого, нагретого спальника, накрытого шерстяным, найденным недалеко в развалинах, одеялом, пыль уже не резала кожу.

Сон был сладок, удушлив, как печная гарь, как нож, прижатый к горлу или пистолет, упирающийся в плечо — невесо-

* На иврите «Красная заря» — извещение о ракетном обстреле.

Косница

мый, но создающий такое давление, от которого всё внутри начинает двигаться несмазанными шестерёнками.

Пошёл едва уловимый запах в подвале, похожий на перецеженные, дешёвые духи, когда ещё остается привкус спирта, будто сейчас кто-то собирался на улицу, ища ключи, и забыв перед уходом выключить свет.

Мятая голова, словно кiset с табаком, — болела и звенела, зашебуршились мышцы, звеня пустыми банками консервов, земля где-то только закончила обваливаться, как раздался ещё один режущий стеклом взрыв, и снова по вырытой траншее посыпались струи, загудели крылья, висящие низко, как чёрный мусорный пакет, застрявший в нерасцветшей кроне — оттопырились глаза смерти.

Косница прикрыл лицо рукой, сердцебиением отсчитывая секунды, снова вытирая его чистым участком рукава, прикрывая рот, будто кот, умывающийся утром.

Где-то земля пробивалась сквозь чёрную плёнку, словно густой дождь, а где-то, как в мелких песочных часах, можно было в блике упавшего, дежурного фонаря Белуги разглядеть прожилки золота.

Амир Сабиров

Куриные сердечки секунд бились, замёрзшей жилой сквозили в этот десятый, сотый подвал, похожий на другие, словно прогалины шали, заполненные дождевыми каплями, случайно залетевшими на балкон через открытое окно.

На ощупь — сильно колет.

Волноваться было, кажется, нечего, били прицельно, метрах в пяти от подвала, плотно прикрытого развалинами, но голова едва сводила нитки последовательных мыслей в одно, это состояние похоже на просочившуюся сквозь плёнку воду, когда ещё одно движение, и всё затопит, смоет, снесёт.

Только в воздухе витала оставшаяся испарина дурманящей химии, от звона в ушах хотелось лежать тем плоским камешком, который бросают в море: он подпрыгивает на волнах, захлёбываясь после третьего отскока, захватывая морскую пену.

Прозвонились с соседней точкой в ста метрах от них — Белуга сказал, что всё в норме.

В подвешенных иконах — плотно забитых листьями, так, что можно было

Косница

увидеть только профиль Иисуса, весь поцарапанный, бурлящий, словно плёночными, пересветами, и от того весь он казался фотографией, недавно сделанной, — бултыхалась пыль.

Местные часто забивали иконы лесным тряпьем — сухими листьями, ветками с первыми почками, ёлочными иголками.

Такие иконы он видел в придорожном храме, когда шёл пешком до дачи за городом, возле прилавка, где вперемешку стоят бабушки, торгуют платками, книгами, свечами.

Как воском, налепили листья у профиля и нимба.

Дальнейшего обстрела не последовало. Косница отключился так же резко, как и проснулся. Шконару* скрипел, трещал от его тела, прижатого сбоку бронежилетом.

Словно этот подвал не был никаким подвалом, сырым и отапливаемым дыханием, а только колодцем, в глубине которого виднелось мальчишечье лицо, размываемое волнами и первоупавшими листьями.

* Койка.

Амир Сабиров

Косница в далёком детстве постоянно лазил в похожий погреб по поручениям бабушки, с которой тогда жил — выбирал между огурцами и вареньем, что было вкуснее и можно было съесть за один прикорм.

Маленькие банки, в которых на прокорм виднелись смачные сгустки кабачковой икры, другие при встряхивании создавали водоворот огурцов и укропа, но воздуха, как и в этой подземной червоточине, в них тоже не было.

Косница долго рассматривал стену и вслушивался в происходящее снаружи — прилетят на второй круг или нет — поводит головой в сторону Белуги, который сидел, покуривая, на шконке, ожидая утра.

— Стрёмно, брат, остаться здесь погребённым, — проговорил он, и голос его напоминал вынутую клавиатуру пианино.

Ночь была длинная. Забытая, терновая тишина осушала буйные, ежовые головы, рюкзаки были собраны, чтобы в случае чего дать дёру. Но и мысль о том, что

Косница

нужно будет вылезать в эту чёрную украинскую ночь, бежать куда-то с фонарями или глядя в один ночник, пугала не меньше следующих прилётов.

«Мы этими путями, — думал он, — такую же дорогу прокладываем, как при освоении Сибири, как петляли посыльные беспризорники, таская почту полевую, от фронта до прифронтовых деревень и дальше — на восток. Прикасаемся к такому чуду, мельком глянув на него, и снова отворачиваем взгляд».

— Сколько мы прошли сегодня? — не ожидая ответа Белуги, как бы впроброс сказал Косница. — Километров пятнадцать, с едой, бесконечно прячась по кустам, по разбитым домам. И если война нужна, то лишь для того, чтобы схлестнуть, заплести чёрную, кровавую память веков и нас, малодушных, воедино — разбросать по этому полю и снова взрастить, как колосья.

«Тугие мы душегары*». — Последнюю фразу он сказал про себя, не сформулиро-

* Неологизм из стихотворения Н. Н. Асеева, 1943 г.

вав, не окантовав её до цельности. Косница часто упускал суть слов, оставляя обрубок фразы, которую не хотел продолжать. Белуга, оказывавшийся частым слушателем Косницы, едва ли понимал, о чём тот говорит.

Душа горела, пропахшая затхлостью, сыростью и плесенью.

И так же туго скрипели ворота возле выхода с позиций.

К шести часам поднялся глубокий туман, сквозь который видно было только некогда целый дом, его белые кирпичи, сложенную крышу, раздробленные куски одежды — штаны словно пробили от и до дыроколом. Откинуло на землю, появились новые рубленые отверстия в шифоньере, прикрывавшем визуальное выход из траншеи, уводящей в погреб, теперь можно было смотреть сквозь новые щели и лучше видеть, как обстоят дела вокруг.

Косница, осуществив нужду, занырнул обратно в подвал, поскользнувшись на песке, осыпавшем ступени самодельной лестницы, и как только скрылся под землёй, небо начала просматривать, проклёвывая своим электронным клювом,

Косница

птица-разведчица, запущенная, видимо, как раз проверять результаты проделанной ночью работы.

Ещё несколько дней назад, когда разбирали по кускам дома вокруг, у Косницы стало появляться предвкушение того, что им придётся либо переезжать, либо терпеть, но оттягиваться дальше от фронта не хотелось, кажется, уйдут они, и без того оставшиеся маленьким числом, со всеми этими житейскими перестановками сделав только хуже. Любые ротации, движения всегда привлекали внимание — порой казалось, что никто их не видит, не смотрит на них, но спустя ряд торможений, передвижений, похожих на змеиный след среди низкорослой травы, рождались новые прилёты, новые погонные птицы, новые погибшие.

«Может, то раненый был, который дальше в лес уходил от нашего дома, который забегал на связь, крутился тут всё...» — прошептал Белуга, сухими губами, сухой глоткой выпуская слова.

Тот парень ушёл недалеко, и незадолго после ухода с позиций прозвучали несколько разницей в минуту взрывов, за

которыми последовали далёкие крики, словно бы проносился товарный поезд за горизонтом, увидеть который можно было, если взобраться на чердак одного из домов напротив по улице. Эта фронтовая путаница — наличие вездесущих, разодранных позиций, часто меняющихся, куда забегали, а потом снова исчезали в тумане войны люди — прорезали кесаревым сечением дороги, по которым ходили доставщики еды, на которых они и терялись, помогая одному, навлечёшь беду на свою группу. Было страшно оступить, кому-то не помочь, но только протянешь руку помощи — оторвёт сразу обе.

Уже поставленный чайник на газовой плитке давил крышку, и бледный пар выносился из него, курился над ней и согревал щебневый воздух. Можно было растолкать его, проглотить, как жилы тушёнки, и выдуть сквозь замок губ — чистый воздух всегда окрылял, добавляя шагу, жизни в секунде ширококостной улыбки.

Белуга от нечего делать ворочал чайник ложкой.

Весь он был — светлолицый, с золотыми волосами и голубыми, словно из

Косница

советского постера, глазами, настоящий уральской глубинкой, едким смогом, оставляющим сажу на окнах, неполной семьёй, её традициями, рабочим классом, ранним подъёмом в темнянке и коротким днём, и словно выкован природой для военной службы.

У времени никогда не было нас, а мы смотрели сквозь него, планировали, жили ближайшими годами — оно было пусто, как выпотрошенное гнездо возле стройки. Тяжёлое ожидание новых вех войны было похоже на просветы в подвале, когда обуянная чернота казалась спокойнее и вывереннее, чем то, что могло происходить на улице.

Белуга служил ещё в далёкие годы, когда наследие великой империи сохранялось в армии, в офицерах, когда подразделение уважало честность, боевую подготовку и товарищество, солдатскую, военную доброту — делаешь дело, бьёшь, когда нужно, крепко жмёшь руку и обнимаешь, когда видишь человека живым. Когда офицеры не были прошпигованы выслугой, и жили ради солдат, как солдаты, ради общего блага. Или тот внутренний упадок Косницы, или, может, армии порождал

Амир Сабиров

такие ощущения, когда он сталкивался с эпохой, в которой был маленьким — он смотрел на них, как на исполинов, держащих землю, на которых сверху, с этой земли, бросали банки из-под колы и бычки импортных папирос.

Белуга, имея опыт боевой службы на Кавказе, пронёс это сквозь убитую бытовую жизнь: несколько разводов, алименты, пять/два графики сперва на сталелитейном, а затем химическом заводе, пьянство и одиночество, будто он был палочкой, которой дети размешивают лужицу, собирая листки или отталкивая кораблик в сторону течения, случайно прибившийся, в сторону колодца, куда улетят кораблик и палка, только руки оботрут об одежду и не смоют, вернувшись домой.

Плечи Белуги были похожи на уральские горы, на её медные, сказочные хребты — и броня давила сверху, словно небо, и стучали товарные поезда тату-чернил по коже, вырисовывая линии орла, в глазах которого сиял красно-жёлтый отенок.

Косница перебирал под сумки на бронежилете и поясе, скидывая в рюкзак

Косница

сдвоенные и открытые — он любил выбирать подсумки под цвет основного костюма и раскраски защиты. Если не прямое соответствие, то частичное.

Впереди было перемещение дальше, куда заходили свежеподписавшие контракт мужики из колоний и тюрем. Приказ, разосланный по намотке, прошёл током в проводах, по всем точкам, по всем подвалам этих зданий. Соседний полк, стоящий в паре километров вдоль фронта, тоже должен был двинуться в наступление, и у Косницы, и у Белуги было ровное ощущение, будто кончиком ножа и царапало, и вздёргивало кожу.

— Зайдём мы туда, займём позиции, если займём... и опять оставят, как щенят в болоте, без контрбатарейной борьбы. — Слова Белуги водились по настоящему омуту того, что всегда лежало над землёй, вечно упавшей на ребро монетой.

— Вот тебе гранатомёт, вот тебе песок и прикрытые парой накатов брёвен позиции, да хохляцкое вольное небо, вырывай всё по новой, постоянно ныряя дельфинчиком под валежник. Тяжко, — отчеканил Косница, на секунду улыбнувшись